

О полемике с распространёнными мнениями о фресках Феофана Грека

Рассуждая о программе фрескового ансамбля храма Преображения Господнего на Ильине, невозможно совершенно обособить, отделить свои суждения от множества трудов и умозаключений, опубликованных маститыми исследователями. Не правильно, самонадеянно и не благодарно было бы в своих суждениях не использовать плодов этих искренних и глубоких изысканий при согласии с ними. Самонадеянно было бы вовсе не искать места своим суждениям в их ряду. Эти, ставшие каноничными, исследовательские труды, восприняты заинтересованной общественностью, растиражированы во множестве экземпляров, имеют неизменный успех и даже обретают свойства библиографических раритетов. Но порою не оставляет ощущение личного неприятия, недоумения, удивления, пред некоторыми из этих умозаключений, позволяешь себе пререкания, оспаривание, не вступая в прямой диалог с авторами суждений. Исследовательские суждения являются, как правило, некоей синтетической вершиной, воздымающейся над благолепием глубоких аналитических трудов, кропотливых исследований, достаточно объёмных, с указанием подробных таблиц, ссылок на источники, приведением иллюстраций и схем. Детальнейшим образом исследователями разбираются нюансы оставшейся фресковой живописи, сопоставляются изводы и стили, различные образы – «памятники» с примерами иных эпох, иного авторства, иных национальных особенностей иконописи. Выявляются программные закономерности и творчески домысливаются фрагменты утраченных композиций. И – делается вывод из обобщающих усилий человеческого ума. При всей великой благодарности к исследователям, к собирателям частиц и камней, мы очень часто никак не можем согласиться с конечными выводами, с конечной интерпретацией, с некой экзегетикой образа, видя в этом зачастую совершенно чуждый плод идеологических и мировоззренческих концепций, посылов, истоки которых восходят поистине к онтологическим первоосновам.

Уже ли один только гордынный творческий зуд побуждает и нас, - меня, грешного, - изъяснять, изъяслять свои суждения об образе, созданном великим Феофаном. Встревоженный, возбуждённый этими образами – усиливаюсь мыслить и говорить о них, вступая в полемику с чуждыми суждениями, в тайную словесную битву на чистых полях неисписанных ещё страниц. Использую в этой полемике обширный аналитический материал, наработанный не мной, неизменно – вторичный по отношению к явленному нам образу. Дерзаю ли претендовать на некоторую самобытность самооценку собственного мнения? Не превыше здравого ли разума? – дерзаю. Так, в сомнениях, вновь и вновь обращаемся, вопием к Цензору нелицемерному, нелицеприятному: благослови, Господи, если угодно пред Тобою - продолжить мне и не оставить труд свой, - благослови...

Первоосновы противоречий с исследовательскими мнениями, с теми, что оказываются совершенно неприемлемы, если уж не углубляться нам в события ветхозаветных истоков, - обнаруживают себя в непримиримости паламитских споров, в противостоянии святого Григория Паламы и учёного мужа – инока Варлаама. Практика духовного Боговидца и благодатного стяжателя даров Духа Святаго – с одной стороны. Со стороны противоположной - умозрительный скепсис, высокомерно парящий над некими «пупоглядами», - так некогда изволили называть учёные скептики творцов умной молитвы. По сути, на страницах исследований, в синтетических выводах, достаточно часто проявляет себя всё тот же паламитский спор. Спор между образотворцем Феофаном,

красноречивым в творениях... и учёными схоластами - исследователями его образов. Исследователь вполне способен и должен произвести от увиденного, из-ученного им свой синкретический... синтетический научный вывод. Из рассмотренного символического изображения исследователь может извести своё, логически обоснованное толкование образа, направленное в область, совершенно чуждую замыслу автора. Мировоззрения противостоят перед образами Божиими, будто бы враждебные друг другу воинства на бранном поле суждений в смертной битве за Духа Святого, за имя Господнее. Собрать елико возможно полный материал, до крупинки исследовав живописные, иконографические нюансы, можно говорить с ложным знанием дела или осознанно лгать о живописи Феофана, хулить её выражаясь мнениями об отсутствии радости в этой живописи, о сумрачной энергии, об отчаянии в невозможности познания Истины и тщете усилий в стяжании благодатных даров Духа Святого. Ну какая же тут «сумрачная энергия» – возразим, опалённый образом. Где – видится или грезится сумрак? Свет в очах ваших не есть ли тьма... В чьих-то очах мнимый свет напитан густой тьмою.

Мы видим или же усиливаемся видеть – иное и спешим свидетельствовать о том. О светах и вспышках, отсветах света нетварного мнение, противное нам, сможет говорить, как о выражении беспокойной души исследователя, о личном, субъективном самообмане учёного. И этот всплеск субъективной реакции на образ становится как бы научным фактом официальным суждением. Нам изъясняет учёный о ладонях святого Макария Великого, как о жесте отчаяния, отвержения и осуждения окружающего пространства, лежащего во грехе. Во множественных подобных суждениях – скорее бы в осуждениях образов чуждым словом, враждебной мыслью, - изложено официальное мнение, абсолютно противоположное нашему восприятию образа. Из лично чуждого нам пространства воззрения на мир Божий, из чуждого духовного опыта - в этих образах, в этих ликах можно разглядеть искаленные болью очертания, слезящиеся глаза, страх, отчаяние в недостижимости Идеала. А что, собственно, имеет в виду чуждый нам исследователь под словом «идеал»? Уже ли Бога? Глаголют его уста, его творческое перо скрежещет о мнимом им некоем чувстве глубокого потрясения для современников Феофана пред его живописью. Итак, по мнению автора суждений, современники были глубоко потрясены этими образами, осуждаемы, отделяемы от Первообраза творениями мастера... Ну что здесь, как ни варлаамов скепсис, вновь буйно прорастающий со страниц антипаламитских умозаключений, от излиятий ума, оскопляющих живую растущую, цветущую Церковь. Этот скепсис буквально о-скорбляет – окружает скорбью, погружает в скорбь человека, живущего, как часть церкви, - так внедряется внутрь церковного тела изъедающая гниль скорби, уныния, отчаяния... без-образия. Человек, светоприимная грань живого церковного кристалла, словно бы помутняется, склоняясь к отчаянию в достижимости Бога, лишаясь чистоты деятельной жажды живого Христа. Утрачивая образ, Богослужение и сама практика Богообщения лишается катафатичности Богопознания... и иссыхает в одном лишь мертвящем отрицательном Богословии. Словно бы мёртвая вода без живой, сращивая раны, не может оживить умершего. Так апофатика вне-образия лишается дыхания и дуновения жизни в катафатичном образе. Положительное и отрицательное Богословие в равновесном, взаимосвязанном единстве возгревают собственно духовную жизнь в Богословской мысли. Вне отрицательного – апофатического – крыла образ приближается к предосудительному, губительному идолу. Вне крыла катафатического, положительного, - вне Богом данного образа - иссыхает

Богословие, мысль гаснет холодным пламенем и на мрачном пути уже не сыскать следов предшествующего Христа.

Желчь отчуждённых суждений об образе – изъедает дерзновение уединённого молитвенника, но побуждает, словно бы к целебному лекарству, скорее прибегнуть, теснее прикинуть к устоявшемуся общецерковному разумению, к жизни соборной. Неизменно жива и непременно – возрастает Церковь в стяжании Духа Святаго Божиего, что проистекает к нам. Церковь непрестанно простирается к нам в низведении таинством дыхания Духа Святаго, вдохновляется и оживотворяется Им, возглавляется и управляется, исполняется сил и наделяется благодатными свойствами Церкви воинствующей, торжествующей на небесах. Немало сказано об этом великих слов – и мы не отважимся даже самой малой толикой повторить их. Говорим лишь о том, насколько противоположны мнению Варлаама – опытные суждения святого Григория Паламы, воспринятые полнотой Церви, поминаемые ежегодно в праздничный день Торжествующего Православия на первой неделе Великого поста. Если пост – это отчаяние, искажённое судорогой лицо, слезящиеся от уныния глаза, - то мы ничего не понимаем в посте. Свет отчуждённого от Христа разума, помрачённой во грехе души, блеклый дымок над усопшей лампадой духа - не есть ли действительная наша тьма. И вот – этот мнимый свет, воистину помрачённого разума, - в очах чуждого исследователя, осуждающего образ Феофана и судящего о свете Божьем. Кромешна тьма таких суждений, тьма совершенного неведения о Боге и воинственного противостояния Ему. Странно ли, что и теперь актуальность этого паламистско – варлаамового противостояния чрезвычайно наглядна, показательна для нашего времени, ничуть не утрачивает своей остроты, заострённости направленной в самую сущность, в самую сердцевину человеческой жизни, - в религиозные основы, в живительные либо смертные первоисточки её. Осознание этой заострённости, восчувствование её в самом себе чрезвычайно важны для кристаллизации самосознания, к тому чтобы мы могли обрести незыбкую основу под своими ногами, бредущими свквозь отмеренное нам жизненное поприще, основу и стеновой стержень православного мироощущения, мироощущения, целеполагания на своём пути. Обрести основу в точке личного воззрения на мир... достаточна ли она, крепка ли без утверждения во Христе. Об этой Основе – Христе помышляем, говоря об образе Божием, оформленном, высказанном, о-значенном, принятом и испытанном, имея в виду перед собою – образ, как отражение непреложной Истины – Христа, свидетельствовавшего о Себе: «азъ ёсмь путь и истина и животь» (Ин. 14:6). Мнение гуманистически – скептических учёных – заталкивает в небытие исихазм, выхолащивает Бога из Богооткровения, умаляет возможность Богоприятия и Самого Бога, как достижимую реальность, жизненную цель в со-единения с Ним. Конечно же, нам никак нельзя принять мнения этого - помысла чуждого, нечестивого. На что опереться в мысленном противостоянии? Конечно же, нет у нас иной и более надёжной опоры, основания, кроме Самого Христа, - Им Одним, в Нём Самом - обретаем, цель, силу, - без Мене не можете творити ничесоже. Нужны ли иные основания, опоры иные?

Вся наша жизнь, насколько она является жизнью христианской, протекает на поприще очищения в себе образа Божиего, проходит в усилиях уподобления своему Первообразу, имеет своею целью - деятельное стяжание Духа Святаго Божиего, и не меньшую цель - по наставническому слову преподобного Серафима, Саровского

чудотворца. На ползком своём пути – так нуждаемся в утверждениях, ищем утверждений от корней в литературных образах, в народных сказках, в явлениях высококого искусства. Но что более чисто, ёмко, значимо, могуче – дарует нам эти утверждения если по-видимому – молчит перед нами Бог – Сама Незыблемость и Цель... Что ещё укрепит на пути к Нему, как ни величайшие достижения чистой духовной практики наших предшественников на пути православия. И вот перед нами – живописные шедевры русской иконописи... Неужто менее созвучны они душе, мятущейся в поисках света, чем образы, скажем, героев Достоевского. Ищут исхода из душевных теснин эти литературные тени, не обретают, увядают перед недостижимостью света. Безумствуют в тоске о свете Истины.

В монументальных образах Феофана свет Истины – откровенен перед нами, уверителен и нагляден. Иконопись, тем более иконопись монументальной, пространственной иконы, исполненной в русле духовной традиции гениальным творческим дерзновением мастера, – не есть некое явление искусства на периферии духовной жизни, на трясинных путях человека, утратившего живого Бога и жизненную с Ним связь. Икона – не есть томление искусственных форм и выразительных средств – в недостижимости, в глухой отстранённости от света и Духа Святаго Божиего. Образ Божий в иконе или в храмовом пространстве не есть про-изведения судорог задыхающегося человеческого естества, словно бы погружённого в толщу вод, желчных и разъедающих, мертвящих – без скафандра и возможности сделать вдох. Разно-образны конвульсии задыхающегося, но зачастую столь жалки, без-славны и без-образны. В мучениях этих проявление страдания, стелания у дверей онтологически изведенного, но – покинутого, затворённого, утраченного навсегда – рая. В конвульсиях этих – затаившийся ужас перед херувимским мечом стража, перед шипением вечного со-путника за спиной. Мучениями слуха – словно бы сухое похрустывание под пятой остовов пориаемых детёнышей зла... прорастающих и восстающих вновь с новой озлобленностью. В усталом лице – свидетельства пахаря земного о горечи утираемого пота на вечной ниве – в тягле безблагодатных трудов ради хлеба, совсем не имеющего свойств насытить, вполне утолить алчбы... – но лишь пригасить её на время, чтобы дать сил к продолжению трудов ради этого хлеба ненасыщающего... Так – в образах вне-образных.

В сокровенной глубине иконного ковчега, в сердцевине пространственной иконы обретаем совершенно иное, – здесь свидетельство о достижимом и песнь о достигнутом – ответствующем Боге. Гимн об откровении райских врат, о деятельном и действенном, плодотворном стяжании Духа, великом достижении человека и великом, невместимом во всей полноте – откровении Бога человеку. Здесь – Новый Завет – живёт и биение его сердечной жизни – открывается в образе животрепещущем перед человеком, живо объёмлющем человека, пред образом, возводящим человека к принятию Христа, перед образом, свидетельствующем о предельно возможной без абсолютного слияния – усыновляющей близости. Об этом свете, об этом Пути – образ. Здесь не топтание на периферии, не увязание в топких окольных блужданиях с незавидным исходом, – но сам Путь – Христа образ Его. Здесь – указание на живую светлую цель – на Бога, воплотившегося и даровавшего человеческому естеству Свой образ. Здесь – Путь, Истина и Жизнь – обретаемые в образе, сочленённом, со-единённом, со-таинственным, единым на потребу – Источником жизни. Здесь – свидетельство о действительно произошедшем

соединении со Христом и указуемый небесный путь над землёю к этому со-единению. Здесь – пространство, где это соединение таинственно со-вершается со-действующими, со-трудящимися сврбодными волями человека и Бога, - совершается, как достижимая вершина и цель взаимодействия. Коль велика, коль значима сама постановка задачи, коль насущна она для человеческого естества. Коль велик, должно быть, вражий соблазн - войти в этот путь извне и извратить... пусть бы под видом внешнего, глубокого анализа образа и аналитического научного вывода, экзегетического суждения. Вот она, древняя жажда червя неусыпного, - изречь голосом падшего ли Адама, отверженного ли Каина – новые значения, имена, смыслы, которым нет места в образе. Изречь и присвоить новые имена вне рая, овладев сущностями нарекаемыми. Совратить, соблазнить, толкнуть на путь окольный, на тропу топкую, блазную, - конечными изводами – выводами из личного и дерзкого своего непонимания, недо-умия, либо из личной, онтологической, сущностной неприязни, враждебности – столкнуть чтущих в собственное неразумие, в невосприимчивость по существу самого важного, в отстранение – во след за собой – вождём слепым – и прочих, слепорождённых, воспринимающих ложь в неразумении... идущих во след ложный путями странными. Как возможно это блуждание вблизи столь явственного указания истинного пути, вблизи и в виду открывающегося нам света... Кем же мы будем, если назовём, либо не отвергнем, как чуждый глас – называющего этот свет – тьмою. За кем последуем, если равнодушно примем теперь именование подвижника, стяжавшего свет, не посредию света, не личными вратами человеческой природы, опытно отворёнными в Небесное Царство, но неким горьким унылым, незавидным, безблагодатно уединённым, безнадёжным, бедственно заблуждающимся на личном пути – человеком, святым для неразумных. Да не будет сего. Возвратим же себя - к образу, не заваленному глыбщами нашего нагромождённого непонимания, неведения, нашего накопленного столетиями и поколениями – греха отступничества. Вернёмся к образу перед этим вот чудом – перед промыслительно сохранёнными для нас творениями несомненного Боговидца – Феофана Грека. Возвратим себя к благодарным и благотворным размышлениям и молитвам перед лучшими и предивными образцами русской иконописи, русского откровенного образа. И да удалимся же тогда от самих помыслов о некоем глубоком унынии пред недостижимостью Идеала, от размышлений о мнимых потрясениях современников пред мятущимся образом отчаяния. Не станем же усиливаться вслед за исследованиями, дабы различить и распознать то, что совершенно отсутствует в этой живописи, в этих образах.

Ещё раз предложим иное толкование образа, отличное от упомянутых нами привычных и широко растиражированных, по сути – атеистических и Богоборческих, иконоборческих, научных суждений. Как нагляднейший пример – фрагмент живописи исихастирия – образ Макария Великого. Можно встретить мнения об этом образе, как о некоем апофеозе отрешения от мира в ужасе и отчаянии достигнуть плодов духовной жизни... Рассмотрим же этот образ под иным мировоззренческим ракурсом, с жизнеутверждающей, Богоутверждающей позиции, приемлющей учение святого Григория Паламы. Итак, святой Макарий, не умирая заживо в подвиге, но воистину живя во плоти своей – стяжал полноту духовного ведения, - стяжал во утробу, в сердце, во все члены и составы, во всё своё человеческое естество – благодать Духа Святого Божьего, стяжал, как достигнутую цель и увенчание православной жизни человека. Человеческое естество, преображённое светом Духа Святого – являет перед нами святой во Свете

Господнем – Великий Макарий в этом образе. Трудно, тяжело, больно очами земными, навывшими к свету притенённому, - не есть ли весь этот свет тьма? – трудно нам смотреть на это изображение. Быть может, столь же, как сложно было неболезненно апостолам видеть свет фаворский Христа Спасителя и одежды, белые как снег на горе Преображения.

Святой Макарий свидетельствует образом святости о Христе Преображения. Преображённая в о-Божении плоть человека распространяется перед нами, утрачивает ограничения очертаний, истончается в приобщении к свету, сама становится светоносной. Человеческое естество святого Макария впитывает свет и распространяет вокруг себя воспринятый свет Духа Святаго. Как же иначе воспринять нам это образ, как ни полное тождество чеканному изречению, высказанному чрез века преподобным Серафимом: «стяжи дух мирен, и тогда тысячи душ спасутся около тебя». Здесь и прямое созвучие евангельскому речению Христа о достижимом и надлежащем, отнюдь не о фигуре речи: «Вы – свет мира» (Мф. 5:14). И это изречение Христа неотрывно от иного изречения Спасителя о Себе: «Я свет миру» (Ин. 8:12). Свет от Света Христос – являет Свет миру от Своего вочеловеченного естества. Христианин, воспринимающий Христа, является по воспринятой благодати светом от Света Христова. И вот – перед нами – образ Великого святого Макария. Просиявшего в Египте. Через светоносную плоть святого Макария – распространяется образный свет, впечатляющий, озаряющий и нас, нечувственных, неразумных. Какое уж тут уныние, какое неведение, какое отрешение от духоносных и утверждающих жизнь надежд и практических примеров реализации обетованного величия, от заданного человеческого назначения в светоносных очах Господних.

В череде детально рассмотренных нами живописных свидетельств о стяжании благодати Святаго Духа – два изображения святых на северной стене исихастерия, - образы Арсения Великого и Иоанна Лествичника. Эти изображения святых написаны в мандорлах и непосредственно примыкают к образу Троицы – Гостеприимства Авраама. Арсений Великий, Иоанн Лествичник, буквально восшедшие при жизни в мир невидимый, в мир не от мира сего, - уподобились в деятельном подвиге святости преподобия Христова. Насельники невидимого мира являют свидетельств изнутри его, из символической области мандорл. Арсений Великий и Иоанн Лествичник – взошли на высочайшие степени духовного делания, пре-селились в обители небесных сфер, вещая нам более из этих обителей, чем из пределов мира тленного, преображённого в них самих. Зыбка истончённая грань образа, мембраны между мирами. И вот – образ о-Боженного святостью человека, в реальной земной жизни исшедшего за пределы обстоящей жизни, исступившего из этого видимого мира. Перед нами святители Арсений Великий и Иоанн Лествичник, игумен горы Синайской, - они образами своими провозглашают нам из областей, как говорил поэт, за-очных, - то бишь изнутри пределов, уже не различимых очами телесными. Для очей телесных перед нами – просто монах, не проявляющий перед нами никаких особенных свойств. В невидимой нам, сокрытой от нас, человеческой природе монаха – обитает о-Боженный внутренний человек, живущий «тайной свободой» за пределами мира сего, всецело живущий за пределами видимого, жилец прекрасных вершин пустынных. Вот так и написаны эти святые, провозглашающие нам из разверстых мандорл весть и свидетельство о вне-земном, о неотмирном, - туда возводит лестница Иоаннова, туда – возводит подвижническая стезя Великого мужа – святого Арсения.

Так свидетельствует о святости действительно духоносный, светоносный образ. Станем ли отстаивать его пред умноженными суждениями скрупулёзных исследователей. Пусть образ – сам отстаивает себя, он слишком красноречив. Лишь закрытые, омертвелые чувствилища – препятствуют разумению и восприятию того, что преподносится образом. И, быть может, совершенно напрасны наши усилия переубедить кого-то, выстраивая полемические многогласия с заведомо безнадежным исходом. Наш удел – рассмотреть символ, раскрыть его в самом себе, вчувствуя своё естество в то, что преподано через образ – посредник. Рассматривая образ, всматриваясь в него, размышляя о нём, – и сами выносим суждения личного разумения, либо недоумения перед видимым. Со-гласие, едино-мыслие, едино-сердечие во Христе... - веруем, что лишь они позволят высвободиться нам от погибельного толковища в пересудах и пустой полемике перед образом. Образ, изведённый Феофаном Греком столь органично вмещает литургию, соответствует совершающемуся таинству, настраивает на Богослужение в возможной его высоте и полноте, что нам лишь устремлять себя к достоинству восприятия передаваемого через образ. Веруем и понимаем – так. А разнотолки... да примирит их Сам Господь, даруя нам терпение и разумение перед откровенным... быть может, - слишком откровенным к нашей немощи – образом.

Так, в основе полемики... возможно, что лично – моей полемики с распространёнными и доминирующими суждениями о фресках Феофана – предмет веры. Скажем ли так: продолженность паламитских споров перед неоспоримым достоинством образа - вероисповедательный, христологический задор, вкрапленный в обсуждение живописных структур, а паче того – естества образа, реальности духоводчества Первообразом через образ, действительности изведения Духа через проявление человеческого образотворчества. В основе полемики – продолжение непримирённых суждений о возможности стяжания Бога в подвиге, в Богооткровенной Теофании, спешащего на встречу Христа. Что есть образ в существе своём в этом Бого – человеческом предстоянии... - вновь о том же суждения, опять же, непримиримые. Что – за изобразительной поверхностью и на ней. Полагаем, что Бог, взывающий нас... - и не останавливаемся перед иконным пространством в любовании художественной высотой. Переживаем при этом один лишь только психо-физический акт нашей страстной фантазии, само-обманное влечение в никуда? И образ, символ, как посредник Богообщения – предмет нашего, моего в этой полемике – заблуждения? Религия – в прямом смысле слова – живая связь меж человеком и Творцом – не нуждается в посредствующих искусствах, - и тогда – долой икону, Крест Спасителя, опыт святых, само евангелие – способ личного разумения... - и тогда, здравствуй, протестантский мир, обез-Боженный и унылый в своих земных достижениях, не наполненных Богом. А научные суждения – растут и множатся, как последствия эстетического любования... сопоставления блестящих льдинок в царстве Снежной Королевы перед охлаждённым взором, сердцем и умом ведущего Кая... Любование образом, как предметом, отражающим гуманистически прекрасное в самом человеке... Ужели образ - это такое зеркало тролля из той же сказки, лишь обустроенное наоборот, - к выявлению самого лучшего в мире сем для пользы мира – сего, впечатляемого и удовлетворяющегося видением себя – вне Бога. Утешит ли суждение о том, что это лучшее на наш взгляд – и есть мир, Богом промысленный – и есть Божественный замысел о мире. Утешит ли без действительного обретения и живого осязания самого Бога.

Иное... совсем иное – в воззрениях Паламы, принятых некогда полнотой православия, ставших общей спасительной незыблемой и путеводной, живой и развивающейся догмой. Не замкнут в Себе Бог, преизобильно жаждет излить Себя в мир – и может быть воспринят миром. И тогда образ – действительно – вход, область проникновения в невидимое, незримое вокруг... и вход Господу к нам. Вход Господу, не нуждающемуся в определении Ему путей. Но икона, скорее, путь – наш, путь – мой, дверь, распахнутая моему личному неведению, – помощь незрячему, безуспешно усиливающемуся отворить глаза и молящему о прозрении. И тогда понимание образа, как предмета психо-физического удовлетворения и эстетического любования – отходит на столь дальний план, уступает чаемому явлению живого и животворящего Духа. Сам помысел об этом ожидании нынешний анти-паламит воспримет, как вне-научный акт... как действие, отвлечённое от реальности в область фантазии, в область во-ображения. В котором за-образность – плод больного или повреждённого чувства.

Возможен ли, реален ли факт Бого-проявления через образ? Или, действительно, образ – есть лишь только проявление человеческого... одного только человеческого, того, что касается лишь мира – сего. Ужели действительно образ – есть унылая без Бога – продолженность в гуманистической эстетике лучших веяний, традиций античной художественности. Но что есть традиция античного искусства вне богов изображаемых. Если вне богов – мы вправе холодным умом и сердцем прикасаясь, – изучать собственно искусство, сопоставлять его явления, стилистические особенности, знаковые структуры, технологические нюансы – в исторических обстоятельствах... Из-учать, устраняя себя от всяческой Теофании, как от заведомой фантазии перед уверительным, умильным и – достаточным для нас совершенством изображения. Действительно ли всерьёз у этих греков с Теофанией, с жизнью и оживотворением изображённых, являющих себя, – твучит сомневающийся голос – и любитесь эстетическими совершенствами видимого, почитая экспрессию понижением стиля в мире, утратившем радость.

Мир – действительно прогоркает в сладости Иисусовой, как фантазия, изображаемая способами, нарушающими законами приличия чаемой красоты. Грубость – вердикт учёного о Теофании. Гуманизирующий искусство анти-паламит, обходит стороной чуждую эстетику Богоявления, достаивает её чуть ли ни бранным словом... обходит стороной, чтобы восторженно и любовно прильнуть к палеологовским совершенствам высокого возрождения античных форм в христианском образе, не опуская Теофании Христа. Теофаничные образы Феофана будут отвергнуты по существу их содержания, как чуждая гуманизму, повелевающая, господствующая, властвующая над верующим – взывающая сила... чуть ли ни гипнотически – обезволивающая человека перед нею. Сила, чуждая высокой художественности, с которой только и возможно «истинное» молитвенно-эстетическое собеседование человека «на равных». И не нужен Бог-Первообраз, довольно со-беседника, явленного в феномене искусства. Научный анти-паламитизм готов воспринять стиль, гармонию, слово, отвергая «среду огня», и «веяние ветра тихого», из которых произносится оно... про-изводится образ. В том – некоторая суть полемики, столь затянувшейся во времени... Утихнет ли она вообще когда-нибудь.